

*Гэри Гаэтано Бандьере,
крутому пижону и нашему другу*

ПЛАМЕНЕЮЩАЯ ПЛОТЬ ИСПОЛИНОВ

Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет — узкая хищная оса, высматривающая добычу, цепкие лапки тесно прижимают к груди гладкий черный кокон, набитый десятками смертей.

Несколькими часами раньше на один из северных пригородов обрушились ракеты, семьдесят три убитых, никакая группа не взяла еще на себя ответственность. Но здесь, где пламенеющей плотью исполинов плывут зеркальные зиккураты Ласаро Карденаса¹, все кошмары ночи остаются снаружи, на ждущих своего часа *avenidas*² — обыденные заботы, мир, что пребудет.

По милости законного воздуха каждый источник света окружен ореолом, желтушным посередине, тускло-коричневым — ближе к краю. Тонкие, почти невесомые хлопья сухого фекального снега, прилетающие с городских отстойников, запорошили око ночи.

Крепко зажмуриться, сосредоточиться на еле слышном шипении кондиционера. Так можно перенестись в Токио, представить себе, что этот номер расположен в одном из новых корпусов старой гостиницы «Импе-

¹ *Ласаро Карденас* (1895–1970) — мексиканский генерал и политический деятель. Президент Мексики в 1934–1940 гг.

² Улицы (*исп.*).

риал». Увидеть себя на улицах Тиода-ку, услышать шелест поездов, пролетающих по эстакаде, прямо над головой. Узкий переулок, цепочка красных бумажных фонариков.

Курьер открыл глаза.

Мехико, снова Мехико.

На кофейном столике аккуратно выстроились восемь пустых пластиковых бутылочек: «Возвращение лосося», название японской водки раздражает даже сильнее, чем прилипчивый, ничем не смоешь и не заешь, привкус.

Нежно-бежевым фризом застыли на экране *девочки*. Ждут приказа. Курьер берет дистанционный пульт; высокие, острые скулы девочек приходят в движение, поворачиваются где-то в его черепе, чуть позади глаз. Мальчики, неизменно проникающие в своих напарниц сзади, щеголяют черными лайковыми перчатками. Славянские лица непрошенно вызывают осколки детских воспоминаний: вонь маслянисто-черного канала, стальной грохот раскачивающегося на рельсах поезда, высокие потолки старой квартиры, окна, выходящие в зимний, промерзший парк.

Вокруг трудолюбиво совокупающихся русских — рамка из двадцати восьми периферийных кадров. Курьер мельком видит, как выносят трупы с дочерна прокопченной грузовой палубы азиатского парома.

Он откупоривает еще одну маленькую, на один стакан, бутылочку.

Теперь девочки отсасывают у своих высокомерных, самопоглощенных дружков, запрокинутые головы двигаются в едином ритме, словно части хорошо смазанного механизма. Ракурсы съемки приводят на память самозабвенный пыл раннего советского кино.

Взгляд курьера натывается на метеосводку ННК. По Канзасу движется фронт низкого давления. На ис-

ламском канале раз за разом с жутковатой монотонностью повторяется нечто вроде сложного, угловатого орнамента — имя Господа во фрактальной каллиграфии.

Курьер пьет водку.

И смотрит телевизор.

Чуть за полночь на перекрестке Ливерпульской и Флорентийской курьер смотрит с заднего сиденья белой «лады» на Сона-Роса. Нанопористый швейцарский респиратор неприятно трет его свежевыбритый подбородок.

Губы и ноздри прохожих укрыты фильтрами. В честь Дня Мертвых некоторые маски украшены серебряными бусинками, они похожи на ухмыляющиеся пасти сахарных голов. Производители всех респираторов дают одни и те же неопределенные обещания насчет защиты от вириодов. Неубедительно, но все же успокаивает.

Курьер хотел отвлечься от рутины, от одинаковости, возможно — найти что-нибудь красивое или хотя бы достойное мимолетного интереса, но здесь были только маски, и уличные огни, и прежний неизбывный страх.

Из-за поворота, с авениды Чапультепек, выползает допотопный американский автомобиль, из-под полуоторванного бампера вырываются густые клубы выхлопа. Зеркальное покрытие, укутывающее весь, за исключением ветрового стекла, корпус, растрескалось и покрыто пылью, сквозь него проглядывает темно-коричневая скорлупа эпоксидной обмазки. Ветровое стекло, черное и блестящее, непроницаемое, как лужица пролитой на бумагу туши, напоминает курьеру смертоносный кокон боевого вертолета. Беспредметный прежде страх конденсируется вокруг «кадиллака», этого карнавального уродя, допотопного (ну надо же — двигатель внутреннего сгорания!) чудовища, одетого в грязный, клочкастый серебряный балахон. Кто позволил

ему отравлять своей вонью и так непереносимый воздух? Кто скрывается внутри, за черным ветровым стеклом?

Он смотрит вслед нелепой таратайке. Его пробирает дрожь.

— Эта машина...

Подавшись помимо собственной воли вперед, он обращается к толстой, дочерна загорелой шее водителя, чьи большие уши странным образом приводят на память древнюю керамику, точнее — копии с нее, рекламируемые по гостиничному телевидению.

— *El coche*¹.

У водителя нет маски. Он поворачивается и словно впервые замечает своего пассажира, «кадиллак» проезжает мимо какого-то ночного клуба, попадает в луч лазера, вспыхивает ярким рубином, исчезает из виду.

Недоуменный взгляд водителя.

Курьер приказывает вернуться в гостиницу.

Он выплывает из глубин сна, наполненного металлическими голосами, из сводчатых переходов какого-то европейского аэропорта, где крошечные, непостижимо далекие фигурки людей застыли в беззвучном ритуале прощания.

Темнота. Шипение кондиционера.

Льняные простыни. Телефон под подушкой. Звуки улицы, приглушенные газовой прослойкой оконных стекол. Все напряжение, вся недавняя паника — все это исчезло. Вспоминается бар на крыше отеля. Музыка. Лица.

Редкая, желанная минута, когда внутренний мир пришел в равновесие. Спокойствие. Никакого другого спокойствия курьер не знает.

¹ Зд. катафалк (*исп.*).

И... ну да, очки тоже здесь, рядом с телефоном. Вытаскивая очки из-под подушки, курьер ощущает винноватое наслаждение, почти такое же, как тогда, в полузабытой Праге.

Он любит ее почти уже десять лет, хотя никогда не задумывается над своими чувствами и вряд ли поверил бы, что это — любовь. Но он не покупает другой программы, а черная пластиковая оправка почти утратила свой первоначальный блеск. Надпись на кассете совсем стерлась, ночные прикосновения превратили ее в белое матовое пятно. Сколько их было — комнат, таких как эта.

Пожелтевшие наушники остаются без дела, курьер давно уже предпочитает тишину, а точнее — собственное звуковое сопровождение. Он шепчет ей, своей единственной, ускоренно прокручивая дурацкие титры и вступительную сцену — черный, залитый лунным светом пейзаж, не Голливуд и не Рио, но некое расплывчатое компьютерное подобие их обоих.

Белый домик в конце ущелья. Она ждет его, как и прежде, как и всегда. Свечи. Вино. Черным бисером расшитое платье и белая матовая, невероятная в своей безупречности кожа. Туго обтянутое бедро, гладкое и холодное, как брюхо змеи.

Где-то очень далеко, под простыней, его руки начинают двигаться.

Позднее, когда он готов уже провалиться в новый, не похожий на прежние, сон, из-под подушки доносится негромкий одиночный звонок.

— Да?

— Место на Сан-Франциско заказано.

Голос принадлежит то ли женщине, то ли компьютеру. Курьер трогает клавишу, чтобы записать номер рейса, затем говорит: «Спокойной ночи», смотрит на

тусклый свет, сочащийся сквозь щель между занавесками, и снова закрывает глаза.

Его обвивают белые как снег руки. Предвечная, неизбывная белизна.

Он спит.

2

«ГРОМИЛА» В ДЕЛЕ

Машины «Интенсекьюра» выходят на патрулирование по щадящему графику: смена рабочая, две смены отдыха. Мыли их исключительно в большом специализированном заведении рядом с Колби — двадцать слов эмали «свежий мед», ручная шлифовка; к такой роскоши поневоле начнешь относиться бережно.

Тем памятным ноябрьским вечером, когда Держава Желаний положила конец его карьере на поприще вооруженной охраны, Берри Райделл пришел в автомойку чуть раньше времени.

Ему там нравилось. Запах розоватого раствора, которым снимали с машин дорожную грязь, приводил на память последние школьные каникулы, летнюю халтурку, которую он подыскал себе тогда в Ноксвилле. Громадный жилой дом на улице Джефферсона Дэвиса решили переделать в кондоминиум, а для начала полностью раскурочили. Нужно было обдирать шлакоблочные стены, но обдирать не совсем, а чтобы кое-где, на стыках и в углублениях, оставались следы старой розовой краски — такой вот имелся у архитекторов бзик. Архитекторы — приехавшие, к слову сказать, из Мемфиса — все как один щеголяли в черных костюмах и белых хлопковых рубашках. Они никогда не надевали галстуков и никогда не расстегивали верхние пуговицы рубашек, стойвших побольше, чем костюмы, — или, во

всяком случае, не меньше. Райделл решил про себя, что архитекторы всегда так одеваются: последующая жизнь в Лос-Анджелесе подтвердила его догадку. Однажды он нечаянно подслушал, как один из этих героев объяснял прорабу смысл задания. *Нужно подчеркнуть преемственность, выявить непрерывность прохождения материала через время.* Чушь, конечно же, собачья, а все равно здорово. Сразу вспоминаешь, как стареют люди в телевизионных фильмах.

Здорово там не здорово, но на практике все сводилось к тому, что нужно было обдирать долбаную краску со многих тысяч квадратных футов дважды долбаной шлакоблочной стены: делалось это с помощью пульсирующей высоконапорной струи какого-то раствора, берешь в руки брандспойтную головку, прикрепленную к длинной ручке из нержавеющей стали, и — вперед на танки. Если прораб не смотрит, можно развернуть струю в тридцатифутовый павлиний хвост жгучей радуги и смыть с кого-нибудь из ребят всю обмазку. Результат проявлялся мгновенно — австралийская фирма, выпускавшая солнцезащитный крем, окрашивала свою продукцию в яркие, заметные цвета, чтобы не перепутать, какие участки кожи уже намазаны, а какие — нет. Операция требовала осторожности и глазомера — с близкого расстояния да на полную силу струя могла ободрать хромировку с автомобильного бампера. В конечном итоге Райделла и Бадди Криггера выгнали с работы за хулиганство, каковое событие они отметили на противоположной стороне улицы Джеффа Дэвиса, в пивной, после чего Райделл пошел ночевать к этой девице из Ки-Уэста, что само по себе было событием не меньшим — он впервые уснул рядом с женщиной.

А теперь он в Лос-Анджелесе, крутит баранку «Лишого гусара», покрытого двадцатью слоями лака, да еще с ручной шлифовкой. «Гусаром» назывался брониро-

ванный лендровер, способный выдать сто сорок миль в час — если, конечно же, ты найдешь прямой, свободный от машин участок шоссе и успеешь разогнаться. Эрнандес, старший по смене, любил говорить, что англичане органически не способны сделать что-либо крупнее и сложнее шляпы, сделать так, чтобы оно не отказало в самую нужную минуту. Еще он говорил, что «Интенсекьюр» должен был купить израильские машины или хотя бы бразильские и вообще — на хрена это Ральф Лорен¹ полез изобретать танк, без него, что ли, не обошлись бы?

Райделл не имел своего мнения на этот счет, но вот с краской ребята явно перестарались. Возможно, они хотели, чтобы «Гусар» был похож на большие коричневые грузовики фирмы «Юнайтед Парсел», развозящие товары по домам, — и в то же самое время напоминал какой-нибудь элемент интерьера епископальной церкви. Никакой показной роскоши, простенько так и со вкусом.

В автомойке работали по преимуществу монголы, недавние иммигранты, не успевшие еще подыскать себе место получше. Они без умолку пели свои бредовые гортанные песни, Райделлу эти песни нравились. Он все время пытался понять, как же это можно выделывать горлом такие штуки — малость похоже на кваканье древесных лягушек, только лягушки квакают однотонно, а тут вроде как два совершенно независимых звука.

Теперь работяги надраивали ряды хромированных шишек, опоясывающие машину. К этим шишкам крепилась, если надо, электрифицированная сетка, а хро-

¹ *Ральф Лорен* (наст. имя Ральф Липшиц, р. 1939) — популярный американский модельер и дизайнер. Карьеру начал под псевдонимом Поло. Выпускает преимущественно готовую одежду, и, хотя он американец, его имя часто ассоциируется с английскими материалами (фланель, твид). Выступал художником по костюмам при съемках фильмов «Великий Гэтсби» (1974) и «Анни Холл» (1977).

мировали их так, для красоты. В нормальной обстановке электричество ни к чему, а вот для разгона беснующейся толпы — самое милое дело. В Ноксвилле полицейские машины тоже были электрифицированы, но там ставили вдобавок систему увлажнения — мокрая сетка бьет гораздо сильнее.

— Распишитесь, — сказал бригадир, тихий чернокожий парень по фамилии Андерсон. Днем он учился на врача, вечером работал и всегда выглядел сильно невыспавшимся.

Райделл взял блокнот и световой карандаш, расписался на маленьком экранчике. Андерсон протянул ему ключи.

— Ты бы хоть отдохнул когда-нибудь, — посоветовал Райделл. Андерсон тускло улыбнулся. Райделл подошел к «Громиле» и отключил охранную сигнализацию дверцы.

Внутри машины, прямо над ветровым стеклом, кто-то написал: «ГРОМИЛА». Зеленым маркером, большими буквами. Название прижилось — в первую очередь потому, что оно нравилось Саблетту. Уроженец Техаса, Саблетт вырос в трейлерном поселке какой-то бредовой видеосекты. Повзрослев, он смылся на волю. «Моя мамаша, — говорил он, — готова отдать церкви все, вплоть до собственной жопы». Райделл не очень понимал насчет жопы — это так, для красного словца, или в каком-нибудь там смысле?

Саблетт не любил рассказывать про секту, но Райделл уловил главное: эти придурки считали, что Господь Всевышний предпочитает общаться с потомками Адама посредством телевидения, что экран — нечто вроде перманентно функционирующей неопалимой купины.

— Господь, — сказал как-то Саблетт, — Он в деталях. Нужно смотреть очень внимательно, и тогда ты Его узришь.

В какой бы там форме ни общались эти психи со своим Богом, ясно было одно: Саблетт наглотался всякой телевизионной хрени по самое это место, в первую очередь — старых фильмов, транслируемых по каналам, которые только тем и занимаются, что их транслируют. Он сообщил Райделлу, что «Громила» — имя танка-робота из какого-то там японского фильма про чудовищ. У Эрнандеса было подозрение, что Саблетт сам и написал это слово над ветровым стеклом. Саблетт яростно отпирался. Эрнандес сказал: «Тогда возьми тряпку и сотри». Саблетт проигнорировал приказ. Надпись так и осталась на месте, но Райделл знал, что такой законопослушный парень, как Саблетт, никак не мог совершить акта вандализма, к тому же чернила из маркера уложили бы его без сознания, а могли б и вовсе убить.

Аллергия. Мельчайшая капелька какого-нибудь растворителя или моющего вещества вызывала у Саблетта аллергический шок, так что он не заходил в автомойку никогда, ни под каким видом. Ко всем прочим радостям, аллергия вызывала у несчастного парня болезненную чувствительность к свету, так что он постоянно носил зеркальные контактные линзы. Черная интенсекьюровская форма, сухие светло-соломенные волосы да плюс еще эти долбаные линзы — Саблетт выглядел самым натуральным фашистом, придурком ку-клукс-клановским. Что могло привести к определенным недоразумениям, особенно в негритянской лавочке на бульваре Сансет. Особенно если время, скажем, три часа ночи, а тебе вдруг прямо позарез потребовалось купить бутылку кока-колы или там минералки. И все же Райделл искренне радовался, когда расписание сводило его с долговязым техасцем. Саблетт ненавидел насилие, черта характера редчайшая, а у наемного копа так и вовсе невероятная. Сумасшедший? Самое интересное, что даже не сумасшедший. С точки зрения Рай-

дела, и то и другое было вполне определенными плюсами. Ведь в Южной Калифорнии, как любил говорить Эрнандес, очень строго расписано, кто может и кто не может работать парикмахером, а вот полицейских нанимают прямо с улицы, безо всякой, считай, проверки.

Многие теперешние коллеги Райделла пришли в «Интенсекьюр» из полиции, некоторые из них успели даже поработать в ДПЛА, Департаменте полиции Лос-Анджелеса. Судя по строгим, подробно детализированным правилам, запрещающим выходить на работу с каким-либо оружием, кроме табельного, фирма почти не сомневалась, что только дай этим ребятам волю — и они под завязку нагрузятся всякими противозаконными железками. Двери диспетчерской были снабжены металлодетектором, и совсем не напрасно — стол Эрнандеса буквально ломился от ножей выкидных и ножей засапожных, от нунчаков, кастетов, парализующих пистолетов и прочей хурды-мурды. Ну прямо как в школе. После смены полицейские получали свое хозяйство назад, но при выездах по вызову они должны были ограничиваться глоками и чанкерами.

Глоки — древние, двадцатилетней давности, полицейские пистолеты — «Интенсекьюр» закупал у полицейских департаментов, которые могли позволить себе перейти на оружие с безгильзовыми боеприпасами, закупал навалом, чуть ли не целыми грузовиками. Согласно инструкции каждый глок должен был находиться в пластиковой кобуре, кобуру же прищипливали к центральной консоли машины, на липучке. Выходя по вызову, ты отдирали кобуру с пистолетом от консоли и вешал ее на себя, при помощи все той же липучки. Единственная ситуация, когда ты вооружен и находишься вне машины, — это выход *по вызову клиента*.

Чанкеры не были настоящим оружием, во всяком случае с точки зрения закона. Однако десятисекундная

очередь из этой штуки могла обглодать чью-нибудь физиономию до костей, особенно если с близкого расстояния. Пневматические, израильского изготовления устройства для борьбы с толпой, чанкеры стреляли дюймовыми кубиками из твердой резины. Выглядели они как убудочный плод насильственного скрещивания автомата схемы «буллпап» с клепальным пистолетом — хотя какой же идиот станет делать автомат из ярко-желтого пластика? Нажимаешь на спуск, и машинка выдает почти непрерывную струю кубиков. Немного наловчившись, можно стрелять даже из-за угла, была бы только подходящая отражающая поверхность. Длинная очередь в упор способна перепилить лист фанеры, а человеку, словившему одиночный кубик с расстояния в тридцать ярдов, гарантирован приличный синяк. Основополагающая теория заключалась в том, что вооруженные бандиты — большая редкость. Работайте чанкерами, чтобы поменьше калечить клиента и его имущество. Ну а если уж нарвался на вооруженного бандита — у тебя есть глок. О том, что оружие этого бандита почти наверняка имеет плавающий затвор и безгильзовые боеприпасы, теория скромно умалчивала. И еще один факт, забытый теорией: выходя на дело, серьезный бандит почти наверняка примет дозу «плясуна», приобретет нечеловеческую скорость реакции, а заодно превратится в самого настоящего, клинического психа.

В Ноксвилле «плясуна» этого тоже хватало — почему, собственно, Райделл и был отстранен от работы. Он приполз на карачках в квартиру, где механик по имени Кеннет Терви держал в заложниках свою подружку и двоих ее детей. Этот костлявый, белобрысый, месяц не мывшийся парень хотел побеседовать с президентом. На его груди красовалась свеженькая — даже кровь не успела подсохнуть — татуировка, Тайная вечеря. Рай-

деллу бросилось в глаза, что ни у Иисуса, ни у апостолов нет лиц, только слепые овалы.

— Да мать вашу так, — сказал Терви. — Я всего-то и хочу, что поговорить с президентом.

Он сидел, скрестив ноги, на диване. Совершенно голый. На коленях у него лежала толстая, сплошь обмотанная изоляционной лентой труба.

— Мы пытаемся с ней связаться, — объяснил Райделл. — Ты уж извини за задержку, но только дело это очень сложное, инстанции всякие промежуточные, никак не пробиться.

— Кой хрен, — покачал головой Терви. — Да неужели никто не может понять, что я действую по указаниям Господа?

В голосе его не было никакой злобы, только усталость и отчаяние. Через открытую дверь спальни Райделл увидел девушку. Она лежала на полу ничком, так что лица не было видно. Правая нога неестественно вывернута, сломана, что ли? А где же дети?

— Что это у тебя за штука? — спросил Райделл, указывая на обмотанную скотчем трубу.

— Ружье, — устало объяснил Терви. — Потому-то мне и нужно поговорить с президентом.

— В жизни не видел таких ружей, — признался Райделл. — А чем оно стреляет?

— Консервные банки, залитые бетоном.

— Не брешешь?

— Смотри.

Терви поднес свою пушку к плечу. Теперь Райделл рассмотрел замысловатый затвор, спуск (*наверное*, спуск), похожий на ручки хирургического зажима, и два гибких шланга. Шланги тянулись к тяжелому — такие возят на тачке — газовому баллону.

Все это время Райделл стоял на коленях. Синтетический ковер, устилавший комнату, насквозь пророс

пылью. Ствол идиотского оружия описал широкую дугу, какую-то долю секунды он смотрел Райделлу прямо в лицо. Круглая черная дыра, огромная, дюйма четыре в диаметре. Кулак просунуть можно. Терви взял на мушку дверь стенного шкафа, видневшуюся в глубине спальни.

— Терви. — Собственный голос показался Райделлу чужим. — Терви, а где эти долбанные дети?

Терви потянул спусковую ручку и прошиб в двери стенного шкафа рваную дыру размером с блюдце. В шкафу сидели дети. Они завопили. *Наверняка* завопили, хотя Райделл этого и не запомнил. Мой подзащитный, говорил позднее адвокат, не только лишился на время слуха, но и пришел в состояние акустически индуцированной каталепсии. Изобретение этого воющего придурка грохнуло лишь на пару децибел слабее, чем шумопарализующая граната. Короче говоря, Райделл не помнил, как вопили дети, не помнил, как прострелил Кеннету Терви голову, не помнил вообще ничего. Очнулся он в больнице. Рядом с койкой сидела женщина из телевизионного шоу «Копы влипли». Женщина сказала Райделлу, что ничего не может обсуждать с ним, пока не поговорит с его адвокатом. Нет у меня никакого адвоката, сказал Райделл. Знаю, сказала женщина. Нет, так будет, мы уже об этом позаботились, подожди немного, адвокат скоро придет.

«Копы влипли»... Райделл лежал и вспоминал, как любили они с папашей смотреть эту передачу. Особенно папаша: его, бывало, и вообще от телевизора не оторвешь.

— А что, — спросил он через пару минут, — крупно я влип?

— Мало не покажется, — улыбнулась женщина.

Райделл присмотрелся к ней повнимательнее. Симпатичная.

— Как тебя звать?

— Карен Мендельсон.

Столичная штучка, в Ноксвилле таких не встретишь. Да и в Мемфисе — тоже.

— Так ты что, с телевидения? «Копы влипли»?

— Да.

— И чем же ты у них занимаешься?

— Я юрист.

За всю свою жизнь Райделл не видел еще ни одного юриста — зато теперь ему предстояло встречаться с ними чуть не каждый день.

Райделл вставил ключ, набрал на клавиатуре пароль, прогнал через систему тестовую программу, и серые прямоугольники дисплеев ожили. Ему очень нравились камеры, установленные под задним бампером «Громилы»: это ж какое удобство при парковке, когда подаешь машину задом и точно видишь — куда. Связь со «Звездой Смерти» пока что отсутствовала, слишком уж много металла в стенах и перекрытиях автомойки. Ничего, у Саблетта в ухе капсульный приемник, вот пусть и слушает, все равно ему делать нечего.

«Звезда Смерти» — только так и называли этот спутник, хотя в диспетчерской «Интенсекьюра» и висела бумажка, призывавшая сотрудников компании воздерживаться от употребления нехорошей клички. Да что там наемные копы, если и в ДПЛА тоже иначе не говорили. Ну а официально это «Геостационарный спутник южнокалифорнийских органов охраны правопорядка», язык сломать можно.

Райделл дал задний ход, внимательно глядя на экраны боковых камер. Керамические двигатели «Громилы» не успели еще износиться и работали довольно тихо, сквозь их мирное урчание доносился шелест покрышек по мокрому бетону.

Саблетт ждал снаружи, на парковочной площадке; по серебряным бельмам его глаз ползли рубиновые мошки — отражения хвостовых фонарей. Солнце уходило за горизонт; судя по расцветке закатного неба, коктейль атмосферных загрязнений был сегодня даже крепче обычного. Техасец торопливо отскочил от приближающейся машины — одна-единственная крошечная брызга из-под колес гарантировала ему веселую жизнь. Райделл тоже старался разворачиваться поаккуратнее, а то свалится этот красавец с аллергическим шоком и тащи его тогда в «Кедры», большая радость.

Ну вот, а теперь это чудо морское натягивает одно-разовые хирургические перчатки. Райделл терпеливо ждал.

— Привет, — сказал Саблетт, забираясь на сиденье. Он захлопнул дверцу и начал осторожно снимать перчатки, чтобы тут же кинуть их в застегивающийся пластиковый мешочек.

— Смотри, на себя не капни, — ухмыльнулся Райделл, наблюдая за этим священнодействием.

— Смейся, смейся, — беззлобно откликнулся Саблетт. Он вытащил пакет антиаллергической жевательной резинки, закинул пластинку в рот. — Ну и как там старик «Громила»?

Райделл окинул взглядом дисплей:

— Ничего, на здоровье не жалуется.

— Надеюсь, у нас не будет сегодня этих долбучих стелсов, — заметил, не переставая жевать, Саблетт.

Стелсы, дома-невидимки, занимали в его личном каталоге неприятных вызовов чуть не самое первое место. Воздух там, видите ли, токсичный. Райделл в это не верил, но давно перестал спорить. Скучно и бесполезно. Стелсы, говорил он когда-то, больше обычных домов, больше и дороже. И уж как-нибудь хозяин такой халупы позаботится о чистоте воздуха, не станет эконо-

мить по мелочам. Саблетт упрямо возражал, что в стелсах живут исключительно психи, построить себе такой дом — это все равно что громко заявить: «У меня мания преследования». И психи эти затыкают в своих жилищах каждую дырку, так что воздух не может циркулировать, в нем накапливается всякая отрава.

В Ноксвилле стелсов не было, а если даже и были, то Райделл о них ничего не слышал. Он и сейчас считал, что это чисто лос-анджелесские закидоны. Саблетт работал на «Интенсекьюр» уже два года, по преимуществу — в Венеции, на дневном патрулировании, он-то и рассказал своему напарнику о домах-невидимках. А потом Райделл попал в стелс по вызову и почти не поверил своим глазам. Снаружи, на поверхности, виднелось нечто похожее на фабрику химчистки, сильно пострадавшую при бомбежке, — ну не то чтобы совсем было похоже, но что-то вроде. А под этой убогостью — шахта, уходившая вглубь и вглубь, а совсем внизу — комнаты, а уж в комнатах чего только не было. Бревенчатые стены, белая штукатурка, турецкие ковры, большие — *огромные* — картины, изразцовые полы, мебель, какую нигде и не увидишь. А вызов был странный и не очень приятный, семейное насилие — так, во всяком случае, показалось Райделлу. Ну вроде как муж шарахнул жену, жена шарахнула по кнопке, а потом они опомнились и решили сделать вид, что ничего такого не было, случайная накладка, вот и все. Только никакая это была не накладка, не сама же кнопка нажалась. И случайно нажать ее тоже не могли — ровно через три и восемь десятых секунды был проверочный звонок, подняли бы трубку, сказали бы: «Мы это нечаянно», назвали бы пароль — и дело с концом, а тут ведь никто и не подошел. Скорее всего, жена перебила все телефоны, а потом уже нажала на кнопку. В тот раз напарником Райделла был «Большой Джордж» Кечакмадзе, и грузину (грузины

живут где-то там на Кавказе, и столица у них называется Тбилиси) эта история тоже не понравилась. «Ни хрена не поделаешь, — сказал потом Большой Джордж. — Эти люди — подписчики, так что убедился, что ни трупов, ни крови нет, и мотай на все четыре стороны, да поскорее». Но Райделл долго еще вспоминал напряжение, стоявшее в глазах женщины, и как она сжимала воротник роскошного белого халата — горло прикрывала, что ли? Ее муж был в таком же халате и в дорогих очках, а из-под халата высовывались толстые волосатые ноги. Что-то там было не так, сильно не так, но что именно — этого Райделл так и не узнает. И он совершенно не понимал, как строится жизнь таких людей, жизнь, очень похожая на то, что показывают по телевизору, и в то же самое время — совсем другая.

Вот чуть присмотришься и видишь, что Лос-Анджелес полон тайн, и нет этим тайнам конца.

И все же ему нравилось кататься по этому городу. И не обязательно, чтобы спешить в какое-то определенное место, а просто так, колесить по улицам на «Громиле», вот как сейчас. Он свернул на Ла-Сьенту; крошечный зеленый курсор на экране сделал то же самое.

— «Запретная зона», — сказал Саблетт. — Херв Виллечез, Сюзан Тирелл, Мари-Паскаль Эльфман, Вива.

— Вива? — переспросил Райделл. — Вива *что*?¹

— Просто Вива. Актриса.

— А когда это его сняли?

— Тысяча девятьсот восьмидесятый.

— Меня еще и на свете не было.

— На телевидении, Райделл, всегда *одно и то же* время.

— А мне-то казалось, что ты стараешься бороться со всей этой хренью, которую в тебя с детства вдалб-

¹ Viva (*исп.*) — да здравствует.

ливали. — Райделл выключил зеркальный фильтр бокового окошка, чтобы полюбоваться рыжей девицей, проезжавшей мимо в розовом открытом «дайхацу сникере». — Как бы там ни было, я этого фильма не смотрел.

По не совсем ясной причине на закате лос-анджелесские автомобилистки выглядели невероятно красивыми. А главный врач США все пытается запретить машины с открывающимся верхом, говорит, что они увеличивают заболеваемость раком кожи.

— «Эндшпиль». Эл Кливер, Мойра Чен, Джордж Истмен, Гордон Митчелл, тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

— Тогда мне было уже два года, — откликнулся, не отрывая глаз от дороги, Райделл, — но этого фильма я тоже не видел.

Саблетт погрузился в унылое молчание. Райделл искренне ему сочувствовал: вот не знает парень другого способа завязать разговор, и все тут, а был бы он среди тех, своих, в трейлерном лагере, так они и эти filmy смотрели по десять раз, и миллион других.

— А я вот тоже вчера смотрел один старый фильм, — сказал Райделл, чувствуя, что теперь его черед поддерживать светскую беседу.

— Да? — заинтересованно вскинулся Саблетт. — И какой?

— Не знаю, — покачал головой Райделл. — Там этот парень, он в Лос-Анджелесе, и он только что познакомился с этой девушкой. А потом он слышит, что таксофон звонит и звонит, и берет трубку. А время уже позднее, совсем ночь. И вот этот другой парень, он сидит где-то в ракетной шахте, и он знает, что мы только что запустили в них свои ракеты — в них, в русских то есть. И он пытается дозвониться до своего папаши, или брата, или хоть до кого. И он говорит, что миру приходит конец и времени почти не осталось. А потом парень —

ну тот, который трубку взял, — слышит, как вбегают солдаты, и они тут же парня этого пристрелили. Это, значит, того парня, который дозванивался.

Саблетт прикрыл глаза, просматривая свои внутренние банки данных.

— Да? И чем же все кончилось?

— Не знаю, — признался Райделл. — Потом я уснул.

— А кто там снимался? — поднял голову Саблетт.

— Спроси чего полегче.

Серебряные глаза Саблетта изумленно расширились.

— Господи, Берри, да ты просто *не имеешь права* смотреть телевизор. Если уж смотришь, то смотри внимательно.

В тот раз, пристрелив Кеннета Терви, он провалялся в больнице совсем недолго, каких-то два дня. Адвокат Райделла, знаменитый Аарон Персли, устроил шум, что его не должны были выписывать так быстро, что нужно было получше оценить уровень посттравматического шока, но сам Райделл ненавидел больницы, да и вообще он чувствовал себя совсем неплохо, просто не мог вспомнить точно, как там и что там случилось, вот и все. И у него имелась теперь надежная помощница, та самая Карен Мендельсон, а кроме того — Веллингтон Ма, агент, взявший на себя общение с другими людьми из «Влипших копов»; только Карен была очень хорошенькая, одни длинные темно-каштановые волосы чего стоят, а все эти другие ей и в подметки не годились. Веллингтон Ма, чистокровный китаец, жил в Лос-Анджелесе; его отец состоял в банде «Большой Круг»¹, это Карен так сказала, а потом сразу прикуси-

¹ «Большой Круг» (Big Circle Gang) — одна из наиболее крупных гонконгских триад. Строго говоря, не гонконгская, а зародилась в материковом Китае и руководится оттуда же. С начала 1990-х гг. активно проникает в Америку (преимущественно через Канаду).

ла язык и посоветовала Райделлу никогда об этом пикантном обстоятельстве не упоминать.

Визитная карточка Веллингтона Ма представляла собой тончайшую, почти как бритвенное лезвие, прямоугольную пластинку розового кварца с лазерной гравировкой, первая строчка — имя и фамилия, вторая — «Агентство Ма — Мариано», а дальше — адрес по бульвару Беверли и уйма всяких адресов электронной почты и еще каких-то номеров. Серый замшевый конверт с пиджонской визиткой доставил Райделлу курьер «Глобал Экспресса» прямо в больницу.

— Это ж порезаться можно, — сказал Райделл.

— Можно, — согласилась Карен Мендельсон. — А если положить ее в бумажник и сесть, она разлетится вдребезги.

— Зачем это все? Какой смысл?

— А такой, чтобы получатель относился к ней бережно, с почтением. Другой тебе никто не даст.

Райделл так и не встретился с Веллингтоном Ма лично — встретился, конечно, но это произошло потом, гораздо позже, — зато Карен приносила иногда маленький чемоданчик с наглазниками на проводке, и тогда можно было связаться с лос-анджелесской конторой, поговорить с великим человеком. Райделл никогда еще не пользовался аппаратами телеприсутствия с таким разрешением, эффект был потрясающий, словно и вправду перенесся в Лос-Анджелес. За окном кабинета виднелась темно-синяя сильно скособооченная пирамида. Он спросил у Ма, что это такое, и Ма сказал: старый конструкторский центр, только теперь это молл, торгующий с уценкой, вот приедет Райделл в Лос-Анджелес — а это будет совсем скоро, — пусть туда забежит.

Подружка Кеннета Терви, Дженни-Рей Клайн, возбудила целую кучу отдельных хитроумно переплетен-

СОДЕРЖАНИЕ

1. Пламенеющая плоть исполинов	7
2. «Громила» в деле	12
3. Нехорошая вечеринка	53
4. Проблема трудоустройства	65
5. Бессонница	77
6. Мост	80
7. Чтобы все было о'кей	85
8. На другое утро	93
9. Когда дипломатия бессильна	102
10. Современные танцы	111
11. Крути педали	119
12. Контролируемые движения глаз	129
13. Дрожь в коленках	144
14. Лавлесс	149
15. Тысяча пятнадцатый номер	151
16. «Санфлауэр»	157
17. «Мышеловка»	175
18. Конденсатор	184
19. Супербол	193
20. Полная пустота	199
21. Когнитивные диссиденты	210
22. неприличная фамилия	231
23. Была не была	234
24. Песня стальной рептилии	244

25. Хоть вброд, хоть вплавь	251
26. «Цветные люди»	255
27. После грозы	273
28. Ар-Ви	278
29. Мертвый молл	288
30. Погребальный карнавал	305
31. С водительской стороны	313
32. Фаллонтаун	317
33. Записная книжка	335
34. Звонок из рая	336
35. Держава Желаний	342
36. Записная книжка (2)	348
37. Сенчури-Сити	349
38. Чудесная миля	356
39. Праздник в непогоду	373
Благодарности	378